

РОССИЙСКАЯ ПРОЗА: ДВА МАГИСТРАЛЬНЫХ ТЕЧЕНИЯ

А.А. Штуден,

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

shtuden@mail.ru

В эссе выдвигается гипотеза о существовании двух магистральных течений в художественной литературе России последних двух веков. Опираясь в основном на творения выдающихся прозаиков, автор характеризует эти две литературы как «солнечную» (в основном реалистическую, направленную на постижение красоты мира) и «лунную» (фантазийную, связанную с инфернальной мистикой и темными образами бессознательного). Показана общая тенденция к возрастанию роли «лунного» стиля и его господство в современную эпоху.

Ключевые слова: человек, стиль, реализм, творчество, словесность, инфернальная мистика, эпоха Содома.

Что делает на Земле искусство, от своего начала начал? Во-первых, оно ищет красоту и создает ее, т. е. стремится постичь смысл творения и помогает творению. Следующий его шаг – искажение Божьего мира, воспевание безобразия и сотворение безобразия – вдохновленными силами. Если вести речь о литературе, то она обычно совмещает обе эти тенденции, с перевесом в ту или иную сторону. В русской же культурной традиции, с ее резкой полярированностью, мы находим разделение – весьма отчетливое – двух этих тенденций в творчестве разных авторов.

В поисках примеров не будем забираться слишком далеко. Оставим в покое XVII и XVIII века, слишком еще архаичные, пробные, литературно не сложившиеся. Но «золотой век» (19-й) демонстрирует почти с самого начала два разных взгляда на литературу, два разных способа отношения к слову – и сразу в высоких образцах. В прозе это очень легко просматривается: Гоголь – Достоевский, Тургенев – Толстой.

С одной стороны, самоценность слова, пластика и музыка фразы (Гоголь), фантастичность многих персонажей, да и сюжетов тоже – сложно этих писателей счесть за «реалистов», – а главное, инфернальная мистика, зов из глубины, с неизбежным появлением на страницах их сочинений если уж не самого Князя Тьмы, то кого-нибудь из свиты его – непременно. Да и человеческие персонажи нередко до неотличимости похожи на ту же свиту, все эти Чичиковы, Верховенские, Ноздревы, Смердяковы. Саркастический смех, слишком иногда родственный глумлению.

Другая линия – абсолютно последовательный реализм. Полнокровные, великолепно обрисованные характеры, достоверно воссозданные пейзажи, жизнь, полная высокого смысла, несовместимая с сарказмом или гротеском. Слово – не для игры, а для обозначения конкретных реалий. Мистики почти никакой.

Было ли что-нибудь общее между этими двумя течениями? Принято считать, что русская литература той эпохи была дидактична, что она брала на себя самочинно

роль морального наставника по отношению к читателю, обличала язвы и бичевала пороки. Отчасти так оно и было, но лишь отчасти. Так называемый «критический реализм» все-таки действительно сложился в ту эпоху, и не только в литературе. Но от того, что он резко бросается в глаза, нет оснований считать его главной темой русского искусства. «Горе от ума» Грибоедова, рассказ «После бала» Л.Н. Толстого, весь Салтыков-Щедрин, «Поздняя осень, грачи улетели...». Что еще? Конечно, «Былое и думы» Герцена, но эта великолепная – до сих пор не оцененная по достоинству – книга очень поздно пришла к читателю (хотел написать «к массовому», но массам, к сожалению, до нее никогда не было дела). В основном-то литература все-таки занималась своим прямым делом: коллизии жизни, размышления о жизни, красота природы... Право же, трудновато нам будет найти слишком много обличителей в классической русской прозе.

Еще существует миф о том, что литература того времени подняла на щит народническую идею. Где именно, хотелось бы знать? Более или менее явственно (и назидательно, и картинно) эта тема звучит у Н. Некрасова. Но любого другого из больших русских писателей трудно заподозрить в горьком печаловании о судьбе несчастного русского народа... Радищев выглядит в этом контексте почти уникальной фигурой. Народолюбческая тема гораздо мощней звучит у живописцев-передвижников от В. Перова до И. Репина, да еще, пожалуй, в публицистике второй половины XIX в., поднявшей на щит народнические идеалы. От этих пламенных рдетелей за народ сильно досталось Модесту Мусоргскому, посмевавшему в своем «Борисе Годунове», в сцене под Кромами, нарисовать не

сусально-страдательный, а вполне реалистический, убийственно точный портрет «народа-богоносца».

Итак, не учительская роль, не морализаторство, не народолюбие.

Что же тогда мы могли бы назвать сквозной темой великой русской литературы эпохи ее «золотого века», есть ли она вообще? Безусловно, есть. Эта магистральная тема – универсальная, необъятная, неисчерпаемая – ЧЕЛОВЕК. Русская литература всматривается в человеческую душу так жадно, так пристально, как нигде в то время! Можно ли сопоставить с этим тяжелый мистический романтизм и мифологическое философствование немцев, авантюрный блеск исторических и бытовых французских романов, пламенные патристические трагедии итальянцев, приключенческую занимательность англичан? Нет. Почему-то именно российская литература с самого начала ухватила ту самую главную, труднопостижимую загадку мироздания, с которой литература любой страны, любой эпохи едва ли когда-нибудь сможет справиться до конца...

Но человек – незавершенное существо. Он в своем лице воплощает срединный мир, между небесным и подземным... И он – существо амбивалентное. В его душе, по чьему-то меткому замечанию, умецаются голуби и крокодилы, его устремления разрываются между Верхом и Низом. Мир, где он обитает, с одной стороны, – реальный, сотворенный мир, в котором есть отблеск Вышней красоты и славы, с другой – объект экспансии адских сил, вместилище страдания и порока.

Отсюда и обе магистральные линии в русской литературе, отмеченные выше. Они выступают здесь как два способа постижения. Реалистическая традиция иссле-

дует человека, так сказать, при свете дня, следуя за ним в его явных поступках и мыслях. Литература «человека из подполья» обитает в лунном полумраке, в лабиринтах подсознания, под бдительным присмотром демонов тьмы... Бинокль и рентген. Проектор и прибор ночного видения. Верхняя и нижняя полусферы.

Как распространялись дальше эти два потока?

На рубеже веков эстафета «низа» была передана в руки поэтов Серебряного века. Эстафету приняли А. Блок и Ф. Сологуб. Инфернальных прозаиков масштаба Гоголя в то время не было. То, что появлялось тогда в прозе (например, романы Л. Андреева и А. Белого), никак не тянуло на сравнение ни с Гоголем, ни с Достоевским. Полноценное продолжение этой линии уже в начале XX столетия – А. Платонов, М. Булгаков, М. Зощенко, Д. Хармс, В. Набоков. Творчество первых четверых было задушено сталинской цензурой. В дальнейшем, в течение довольно долгого времени, никто не осмеливался идти по их стопам. Проза эмигранта Владимира Набокова в то время еще не могла дойти до России.

Продолжение реалистической линии на рубеже веков – А. Чехов, И. Бунин, М. Горький, А. Куприн. Тема «Человек» по-прежнему оставалась у них главной. Однако тональность резко поменялась. Персонажи А. Чехова и тем более И. Бунина никак не вписывались в контекст народолюбия. М. Горький с его описаниями «свинцовых мерзостей русской жизни» также не добавлял в эту палитру светлых красок (хотя и прославился сентенциями типа «Человек – это звучит гордо»).... Ему, конечно, не хватало ни чеховского презрения к людям, ни бунинской к ним ненависти, отсюда его непоследовательность, тем более по-

сле возвращения в Советскую Россию, где он доживал свою жизнь под тяжестью навязанной ему славы патриарха всех пролетарских писателей Страны Советов...

Литература эпохи «предгрозовья»¹ не только не хотела расставаться с ядовитыми стрелами «критического реализма», но, кажется, еще более погрузилась в эту стихию. Она, несомненно, предчувствовала катастрофу, но и – приближала, провоцировала ее. Людьюми простого народа в канун революции никто не торопился восхищаться. Куда-то совершенно без следа исчезло почвенное обаяние мужицких персонажей, некогда свойственное перу Л. Толстого. «Венец творения» на страницах новых корифеев пера стал подозрителен... Даже если он был в лаптях. Реалисты рубежа веков, вглядываясь в фигуру «простого человека», явно чувствовали неладное. Рассказ И. Бунина «Ночной разговор» в этом смысле был провозвестием... (Напомню: в этом рассказе гимназист-барчук, увлеченный идеями народничества, затеявший на каникулах работать вместе с мужиками, неожиданно во время праздничного ночного разговора узнает, что двое из этих обыкновенных людей из народа – состоявшиеся убийцы, после чего в ужасе он бежит от них прочь, несмотря на темноту и дождь.) После 17 октября именно эти люди захватили власть в стране.

В советское время, начиная с приснопамятного 1-го Всесоюзного съезда писателей (1934), под словом «реализм» стали понимать нечто такое, что на три десятилетия обрушило российскую словесность к нормативному убожеству Софронова–Грибачева–Кочетова. На страницах альма-

¹ Определение Зинаиды Гиппиус, характеризующее ситуацию в Петербурге накануне Октябрьского переворота.

нахов разверзлась литературная пустыня, на которой редко можно было встретить что-то живое (К. Паустовский, М. Пришвин... еще несколько имен, причем, все эти люди находились постоянно на подозрении у официальной критики). Между тем еще в 20-е годы даже писатели так называемого «второго ряда», такие как А. Грин, Вс. Иванов, Ю. Олеся, А. Сейфуллина, И. Бабель писали замечательные вещи, показывая мастерское владение словом. Прогрел «Гихий Дон» Шолохова, появление которого в конце 20-х гг. до сих пор кажется настоящим чудом! Но это был дальний откат Серебряного века.

К середине 30-х талант становится в России опасным признаком неблагонадежности. Началась эпоха номенклатурных писателей – К. Федин, А. Сурков, А. Фадеев, Г. Марков... список очень-очень длинный. Все они выросли не из гоголевской, а уже из чугунной сталинской шинели. Их творения невозможно причислить ни к одному из двух названных нами течений. «Социалистический реализм» как метод выбивается из любого ряда, выпихивая писателя вообще за рамки литературы. Что из той эпохи, не в стол написанное, кроме симоновского «Жди меня», останется для вечности?

Размежевание с мертвой зоной положила «оттепель». Знаменитые 60-е. Хрущевская эпоха, ослабившая цензурные скрепы, наиболее плодотворным образом сказалась именно на творческой жизни русских художников, изголодавшихся по воздуху свободы, первый глоток которой они **уже** приняли за Освобождение... Никто в пост-сталинской России не ожидал такого фейерверка разнообразнейших дарований! На публичную арену вышли замечательные по силе художники: актеры, режиссеры, кине-

матографисты, живописцы, поэты, прозаики. Это было какое-то весеннее половодье талантов. Словно распахнулись плюзы, река новой прозы, новой поэзии хлынула на простор журнальных страниц.

Здесь-то опять заявили о себе два обозначенных нами течения.

Реалисты, «деревенская проза» в особенности, поначалу задавали тон. Солженицынский «Один день...» потряс до основания читательскую аудиторию. Зазвучали опять в полную силу два упомянутых выше лейтмотива: моральная проповедь и народолюбие. Все громче – учитывая цензуру, чаще иносказательно – звучала тема трагедии русского народа, тираноборческие мотивы, призыв к возрождению погранных советским режимом гражданских свобод. Здесь-то как раз литература всерьез начала «учительствовать» – устами деревенщиков, устами Солженицына, даже и устами поэтов (Е. Евтушенко с А. Вознесенским более всех порадела на этой ниве). Подали свой голос и «городские» писатели: Ю. Трифонов, В. Аксенов, Ю. Нагибин, А. Битов. Модные поэты собирали огромные аудитории в крупнейших залах московских вузов и даже на стадионах.

Воистину это был звездный час литераторов... Публика встрепенулась: ей было что почитать (наконец-то!). Литературные альманахи издавались миллионными тиражами. «Новый Мир», «Дружбу народов», «Юность» рвали из рук. Номенклатурные писатели по-прежнему заседали в президиумах, важно надували щеки на фотографиях первых полос «Лит. газет», но их пачкотню никто всерьез уже не воспринимал. «Оттепель» стала началом их невозвратного пути в небытие и заодно – к очищению от скверны загнанной в тупик российской словесности.

Как же в это время складывалась судьба лунной литературы?

О ней начали вспоминать. Пристально изучали полузабытого Достоевского. Гоголь расходился в цитатах, сценариях и новых театральных постановках. Вспомнили Зоценко. Заговорили о Платонове. Но – самое главное! – на свет Божий вдруг вышла потрясающая своєю провокационной силой книга, о существовании которой никто доселе не подозревал: «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Лед тронулся... Лунный мир распахнул для русского читателя свои inferнальные объятия. На смену гоголевской нежити и чертям Достоевского на страницы российской печати явился Волад собственноручной персоной. Да не где-нибудь в призрачной тиши петербургских отсыревших квартир – в самой Москве, явочным порядком!

Это был уникальный случай: роман, ставший сенсацией, так его и остался вплоть до сегодняшнего дня. Полвека прошло, но молодежь до сих пор читает его запоем. Роман породил массу подражаний – как прямых, так и косвенных. Флегматичный хромец Волад показал себя плодовитым папашей. Он явился не случайно: в совдеповской Москве визит гостя из преисподней был прологом к эпопее Большого Террора, а теперь его появление в «оттепельной» печати послужило прологом к мертвенным дням брежневского правления.

В общем, так называемый «застой» во все не был мертвой зоной для русской литературы: лед тронулся, его было теперь не остановить. Уже прославившие себя литераторы хоть и с препонами, задержками, запретами, но продолжали публиковаться. «Деревенщичество», никогда напрямую не выступавшие против властей предрержащих, благодаря чему их все-таки печатали, – нет-

нет, и привлекали читательское внимание. Среди них в первом ряду была группа чрезвычайно ярких писателей (В. Шукшин, В. Распутин, В. Астафьев), по праву еще при жизни признанных классиками. Планка писательского мастерства, вновь поднятая на должный уровень, сохранялась также усилиями Ю. Казакова, Ю. Нагибина, Ю. Трифонова.

Интереснейшие события происходили в писательском «подполье», получившем в просторечии имя «самиздат». Какие имена! А. Солженицын, Г. Владимов, С. Довлатов, Б. Хазанов, И. Бродский... В конце концов, их выдавили из страны, все стали эмигрантами. По мере сил они продолжили реалистическую традицию.

«Лунная» часть литературы тем временем набиралась сил. Ждала своего часа.

Как ни странно, до сих пор в среде обывателей бытует представление о якобы относительном благополучии брежневских времен. Нет ничего более ложного, чем это представление. На самом деле шел прогрессирующий распад, это было обманчивое спокойствие отдыхающего на пыльном тюфяке ракового больного. Надежда на лучшее больше не было... Депопуляция фактически уже началась. Страна спивалась с ужасающей быстротой.

И никто даже не представлял себе, в какую еще новую выгребную яму может ухнуть Россия, никто вообразить себе не мог, что вслед за тоталитарным кошмаром начнется новый – циничный и пошлый, продажный в доску, зазеркальный, неправдоподобный, где правила игры начнет диктовать криминал, пришедший во власть и повенчанный с коммерцией, что разрушено будет решительно все: промышленность, образование, наука, организация правопорядка, что «компетентные органы» начнут крышевать биз-

нес, а на роль наставников юношества полезут гламурные потаскухи, вольготно, как в собственной постели, расположившиеся на каналах TV.

А ведь как заманчиво все начиналось! Шаг М. Горбачева, особенно всех поразивший, для всех неожиданный – **гласность**.

Чтобы «Доктора Живаго» можно было увидеть на книжной полке? Чтобы все, написанное в стол, можно было тотчас отдать в печать и не опасаться, что завтра за тобой придут «искусствоведы в штатском»? Чтобы «Архипелаг ГУЛАГ» начали печатать в «Новом мире» (а после – еще и изучать в школах на уроках литературы?!). Удивительный, удивительный сон. Такое не могло быть явью. Кто-то из журналистов довольно хлестко окрестил происходящее «бешенством правды-матки»...

В толстых журналах появилась серия смелых (по тем временам) романов, читаемых сразу же, их обсуждали, хотя они вовсе не были шедеврами и даже не были лучшими у известных всем авторов: «Печальный детектив» В. Астафьева, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Плаха» Ч. Айтматова, «Пожар» В. Распутина. Особенно пристально читались «Дети Арбата» А. Рыбакова. В «Новом мире» мелькнуло неизвестное имя: Сергей Каледин. Его повесть «Смирненное кладбище» на какой-то момент заглянула внимание читателей. Но за этим – опять неожиданность! – последовал резкий обвал читательского интереса. До прострации. До безразличия. (Объелись «правдой-маткой»?) Думали, временно... Самая читающая, все-таки, страна! Оказалось, навсегда. Тиражи толстых журналов катастрофически упали. В «лихие девяностые» было уж не до чтения: сил едва хватало, чтобы выжить.

Какие новые силы (творческие) могли родиться в это гнетущее время? Какие корифеи будущего – из болотной этой тины – могли появиться?..

Они появились. Именно в это время. Именно из этой тины. Как мы знаем из физиологии, в умирающем теле могут расти и успешно развиваться весьма специфические организмы...

Виктор Пелевин довольно метко характеризует этот период истории (заодно объясняя пристрастие советских людей к книжному чтению):

«Россия недавнего прошлого как раз и была огромным сюрреалистическим монастырем, обитатели которого стояли не перед проблемой социального выживания, а перед лицом вечных духовных вопросов, заданных в уродливо-пародийной форме. Совок влачил свои дни очень далеко от нормальной жизни, но зато недалеко от Бога, присутствия Которого он не замечал. Живя на самой близкой к Эдему помойке, совки заливали портвейном «Кавказ» свои принудительно раскрытые духовные очи, пока их не стали гнать из вишневого сада, велев в поте лица добывать свой хлеб».

Вот именно в этот грозный период, когда вишневых деревьев в литературном саду уже почти не оставалось, когда бывшие советские люди (те, кто не приспособился грабить и воровать) начали в поте лица добывать скудный свой хлеб, когда увяли без надежд идеалы и окончательно рухнула вера в «светлое будущее» – выступает когорта новых писателей, от чтения которых холодеет спина и просыпается рвотный рефлекс. Именно они воспели драгоценную свою Родину, осознанную как новый Содом. Именно они внятно написали о том, как и что сумели разглядеть в густеющей тьме их «принудительно открытые духовные очи».

Ю. Мамлеев, Э. Лимонов, Викт. Ерофеев, В. Сорокин...

Здесь-то, наконец, зазвучала в полную силу лунная тема российской словесности, согласный хор демонов коллективного подсознания, дымящаяся копотью и серой «нижняя полусфера»! Литература низа вздохнула полной грудью и уже теперь на воле смогла расправить «совиные крыла»...

Реализм, конечно, не исчез со страниц печати. Но на нем – уже с 70-х годов – лежит густая тень омраченности. Очнувшись от обморока, российская словесность продолжала жить и течь дальше, но впечатление такое, что с ней случился какой-то род недуга: отравленная разочарованием, отращиванием к режиму, призраками миллионов убитых и неизбежной, мерзкой, неотвязчивой лагерной тематикой, она становилась все мрачнее день ото дня... Варлам

Шаламов в этом смысле должен считаться знаковой фигурой. В. Гроссман, В. Астафьев, В. Распутин – трагические писатели. Печатью безнадежности отмечено и творчество современных прозаиков-реалистов (Л. Улицкая, Р. Сенчин, З. Прилепин...). Все это – на фоне общего сползания в «нижнюю» полусферу словесности, в область виртуальных фантазий, зловещей мистики, сумеречных героев с их необузданной похотью, матерной лексикой и бандитскими разборками.

Что ждет наше искусство на новом крутом повороте? Сумеет ли оно возвратиться в солнечный мир, или его судьба сольется с общей судьбой современного Содома, которую это низовое искусство предчувствует, ворожит, пророчит и в меру сил приближает?

Гадать бесполезно – мы это скоро увидим.